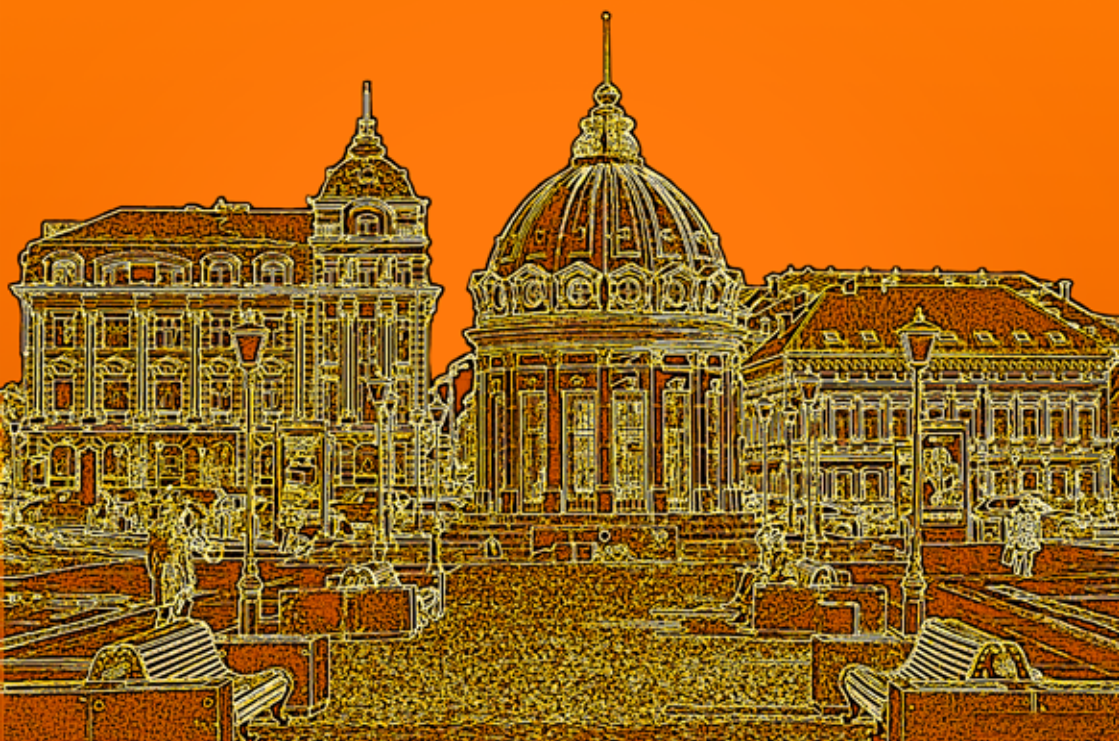

II Международная научная конференция

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

Казань

УДК 101
ББК 87
Н76

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Новые идеи в философии: материалы II Междунар. науч. конф.
Н76 (г. Казань, май, 2016 г.). — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — iv, 44 с.
ISBN 978-5-906873-02-6

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Новые идеи в философии». Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов философских специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-906873-02-6

© Оформление. ООО «Издательство Молодой ученый», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Ismoilov M.I., Farhodjonova N.F.

The Philosophy Analysis Of The Evolution Of Ecological Paradigm. 1

4. ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Бондаренко А.И., Климов А.В.Методологические установки парадигмы современной
физической науки. 7

5. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Васильченко О.К.

Human security: о понятии 13

Звездин Л.А.Современные проблемы безопасности с точки зрения
философии языка ..... 19**Руднева Е.Л.**

Определение социальной ответственности власти 25

Стоян А.А.Феномен «массового человека» как закономерный этап
формирования «общества потребления». 30

8. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Печенкин А.А.Второй закон термодинамики и его соотношение
с христианской теологией 36

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

The Philosophy Analysis Of The Evolution Of Ecological Paradigm

Ismoilov Maxamadixon Isroilxonovich, Doctor of Philosophy, Professor;
Farhodjonova Nodira Farkhodzhonovna, Assistant
Namangan Engineering pedagogical institute (Uzbekistan)

Article discusses the evolution of the ecological paradigm ontological gnoseologic, methodological and sociological aspects of values based on the principle of systematic analysis.

Key words: ecological integrity paradigm, spirituality, ecology, environmental categories, the economic paradigm, spiritual and moral values, and environmental consciousness.

Философский анализ эволюции экологической парадигмы

Исмоилов Махамадихон Исроилхонович, доктор философских наук, профессор;
Фарходжонова Нодира Фарходжоновна, ассистент
Наманганский инженерно-педагогический институт (Узбекистан)

В статье на основе системного подхода проанализированы гносеологические, онтологические, методологические, социологические и аксиологические аспекты генезиса экологической парадигмы.

Ключевые слова: экологическая парадигма, парадигма целостности, духовная экология, категории экологии, экономическая парадигма, моральные ценности, экологическое сознание.

At this stage, surrounded by the global problems of humanity are serious about solving it has to be done — one of the most urgent issues of our times. Fossil fuels in most countries of the current economic paradigm occupies a leading position, the lack of attention to the evolution of the formation of the ecological paradigms, it is necessary to pay attention to the serious legal wild.

One of the basic processes in nature because of the philosophical methodology aesthetic categories of beauty, as well as methodological principles of integrity and a dialectical case — integrity paradigm based on the interpretation of the agenda.

It is developing the harmonious development of man in all segments of the education and training related to the particular priorities of the paradigms of integrity to understand the world into a vital necessity. At the same time, the spiritual condition of man, but in the process of formation of ecological paradigm — a lot of spiritual ecology.

Sunset spiritual ecology of the species — the human relationship with nature — a certain level of moral norms, attitudes, and in close coordination with the spiritual condition of the people of a specific system of knowledge.

That is the spiritual environment — natural, social, technical sciences in the last reported case listed the achievements of the integrated issuance associated with the formation of a paradigm ecologic way, to create new knowledge.

Now, ecology main categories: Environment, Natural does hit, the environment, ecology, etc. As well as methodological trends, including integrity, mutual connection and communication, as well as into observed the occurrence of changes in the ecological paradigm evolution. In order to solve the environmental problems associated with the evolution of the paradigm — the only people in connection with the activities of tools, equipment or technology is not enough to improve the society in which human nature and harmony, purpose, such as the basis of new knowledge, establish relations the current demand. In other words, not only scientific activity but the process of the development of the material, especially in the development of the productive forces and production relations, the basis of ecology can solve the problems of the ecological paradigm.

Based on the above formation of the ecological paradigm — cannot imagine those environmental without spirituality. In turn, in connection with the activities of the people of the ecological spirituality and ecological consciousness, ethical, cultural, and aesthetic activities, as well as the results of environmental psychology depend on how directly facing the stage. Until recently the ecological paradigm, the formation of the former Soviet regime, inappropriate actions that interfere with citizens» property. As a result, the environmental problems of its existence the level of matrimony to wait a district far behind. «Today, the princess — that the president, the children in the spiritual world, For us the issue of raising the spirits of national and universal values remains the highest» [1].

Therefore, all things humanity, environmental, national and universal values not only reflect the mind — all the activities associated with social relationships will be able to reach the desired goal through reflection.

So the thought processes of the proceedings, including the structure of society, individuality, individual, person, entity level, the implementation of reforms in priority to the environmental paradigm evolution. This is a human consciousness developed on the basis of the principle of the integrity of the work of methodological sense, the peculiar status. Ecologic paradigm of evolution in addition to the above, to ensure the integrity of a constant dialectic between faith and knowledge of those who can not imagine.

Today, ideas about solving the problem in the form of specific issues. They ecosystem activity are in a crunch — static and dynamic instability and stability, purpose, and non-protected while. Therefore, the ecosystem of self-management, self-organization of the processes associated with a new impulse to the ecological paradigm evolution peculiar position. Ecologic paradigm of human activity associated with the subject and the subject, and the focus on a subject-object relationship in accordance with the purpose of the study of all aspects of it.

Ecologic operating activities of ecosystem evolution paradigm universal methods (experimental and theoretical level), as well as special methods (ecosystem research used) between integrative process also drew attention to the priority that should be used. Ecologic paradigm manufacturing processes associated with the technical and technological conditions associated with the update, and specific environmental criteria for more emphasis to foster stable, the pressing challenge of our lives. In addition, the ecological paradigm evolution nature (atmosphere, hydrosphere, and lithosphere) and the live tab real environment (plants, animals and microorganisms) will also depend on the extent to coordinate the relationship between.

The environmental problems associated with the formation of a paradigm: that environmental degradation — a very high level of scientific and technical knowledge about their activities related to further deepening.

Thus, ecologic paradigm evolution — the level of scientific and technical progress white above the level of environmental change research about the ways to achieve it. At the same time, science and technology development humanity, they are associated with the development of the moral spiritual value boats have become a necessity to look at the issues.

Ecologic paradigm — a new strategy based on the relationship between man and nature looking at modern civilization economic paradigm with spiritual assessments of yachts and moral dignity and common forms can be recorded.

Today, the formation of a comprehensive to raise the scientific and cultural body with highly intuitive abilities, developing people with high moral spiritual quality reflecting growing. This means that all levels of education, educational parties tend to focus on the right to education.

Concluding that the ecological paradigm evolution of all social strata in a hierarchical manner, the structural principles, moral, spiritual activities, it will be possible to achieve by establishing. That is associated with the value of the donor community morality the right conclusions related to the evolution of the ecological paradigm to solve the enigma molar positive. President Karimov said the following conclusions: that is, «education, education, education and education can not be separated — this oriental look, oriental philosophy of life» [2], or the evolution of the ideas of ecological paradigm priority.

So people origin, regardless of the status of the world to overcome global environmental crisis to strengthen the moral emphasis old the level of priority. Substances, such as biological and geological nature walking morality-spiritual yachts from all sections of the society of the people of the world must be carrying out extra. Environmental consciousness consists of three elements are closely linked to one another. They are:

1. environmental knowledge;
2. environmental assessment;
3. environmental behavior. A link between lecture at a scientific synthesis of b science, as well as integrative ecological paradigm of evolution is probably an important role.

In addition to the ecological paradigm of the above evolution of environmental perception and other forms of social consciousness and moral consciousness, aesthetic consciousness, political consciousness, legal consciousness dialectical relationship with the theoretical and practical attention is also desirable. For the environmentally conscious — watch driven forms of social consciousness, but they are — the environmental effect of the dialectical way the mind stand.

Environmental paradigm Theoretical and methodological basis of evolution and the events taking place in the world — a philosophical point of approach. The philosophical approach to the world and its events paradigm based on the interpretation up to the level necessary.

The essence of the current period set by paradigm, based on the level of the ecological paradigm — it really level the vital need. The origin of the environmental crisis — a few arrows on the appellant. Movement arrows particular value yachts and benchmark their work. The current period is desirable.

One of the evolution of the ecological paradigm problematic in arid and technical development of the system of boats value of the degree of progress a very high level with the sand dunes. Environmental paradigm evolution — ontological sense, although many specific issues are more questions than answers.

Modern science subordinated to the amount of parameters of the quality parameters of the ecological paradigm form of development in a certain sense, more difficult. In order to solve the problem of the ecological paradigm — the environmental sense of the social transition to market relations. Consumer food market — depending on the size of the product b alkyl, depending on what the quality of its environmental assessment skills necessary to formation [3].

Environmental paradigm evolution of environmental and economic norms with each other in order to be somehow there. Environmental paradigm for solving the problems of evolution ecotexnology time. Ecotexnology the most valuable of the cheapest ways to search is currently. At the same time, especially in the low energy costs — more ways to search the current demand. This practice is very important in establishing the ecological paradigm evolution. To find a wide selection of environmental consciousness in the minds of the people — environment is one of the main factors in the transition to a market economy.

Environmental paradigm evolution — local, regional and global activities of each other is very important. In turn, the unique biosphere as a whole system, the optimal small systems, atmosphere, hydrosphere, lithosphere, and focus on coordination principle, depends on the extent to which activities formulated.

In summary — a relative sense, in our opinion, the ecological paradigm related to the evolution of the philosophical sense, consider it appropriate to pay attention to the following aspects.

- To solve the problem, clear jar — integrative and synthesis of scientific knowledge in the rule to achieve;

- The subjectivity of the activities of the human and the biosphere and the necessity of the terms of each other in a dialectical sense, in terms of objectivity;

- At this stage, the priority of the status of the new environmental thinking and policy;

- Opportunities are endless — and between the limited capacity of the biosphere to eliminate;

- Environmental perception and environmental assets of the importance of achieving relative independence;

- The process of optimizing the biosphere — natural, artificial and social norms dialectic respect to one another in order to actually pay attention;

- A new ecological thinking and attitudes directly related to the basis of good ideas;
- Knowledge of the biosphere and human beliefs between the principle of the need to ensure the integrity of a lecture;
- Modern social development in the priority of the logical paradigms to accelerate scientific research;
- Human nature — to ensure the rule of the paradigms of the integral relationship between the technical community up;
- Production methods ecology a new level;
- Each other in economic and environmental paradigm filled in and agreed to the current attention;
- The formation of the ecological paradigm — environmental priority of the forecast;
- Ecological Paradigm local levels, as well as the development of local, zonal, regional, and global scale to accelerate the integration of the existing principle of rule of law.

As well as the links between the two sides, concluded that the environmental paradigm evolution prevailing ideas of environmentally sustainable society can progress very important step.

References:

1. Каримов И.А. Она юртимиз бахту иқболи ва буюк келажаги йўлида хизмат қилиш-энг олий саодатдир. — Т., Ўзбекистон, 2015.
2. Каримов И.А. Юксак маънавият-енгилмас куч. — Т., Маънавият. 2009.
3. Исмоилов М.И. Методологические основания современной экологии. — Т., Фан. 1996.

4. ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Методологические установки парадигмы современной физической науки

Бондаренко Анатолий Игоревич, студент;

Климов Александр Васильевич, кандидат физико-математических наук, ассистент
Оренбургский государственный медицинский университет

Современная физическая наука предполагает наличие методики, параметров, особенностей описания проявлений различного рода свойств действительности в бытийной структуре, что выражает глубокий потенциал методологии раскрытия образной явленности в общем плане взаимодействия структурированного математического аппарата в прикладной физической направленности и бытия индивида, группы индивидов и общества.

Поиск фундаментально-аксиоматического наполнения всей атрибутики реальности бытия составлял важный элемент, детерминировавший исследовательский подход умозрительного характера в познании структур действительности. Единство основы принципиальной онтологии мира предполагало феноменальный поиск данной основы, закрепляющей предпосылки осуществления и реализации определённого рода событий и систем. Пифагор и Парменид, Платон и Аристотель, Плотин и Ориген сыграли важную роль во времена Античности в поиске локуса истинности, трансцендентного аспекта существования — истины, параметр которой всецело не трактуется возможностью к комплексному определению и выделению смысловых дефиниций согласно человеческому существованию. Истинный аспект мирового порядка обладает собственным значимым началом, модальным осуществлением идеального параметра бытия, не могущего быть связанным с реально формируемой вещью, наделённой тенденциозным проявлением к выражению данного аспекта. М. Хайдеггером впоследствии выделена возможность понимания локуса истинности «лишь в том зоре, в котором человек может что-то знать о своём существовании» [1, с. 127]. Развитие мысли в контексте сопричастности с научным основанием дифференцировало систему представлений че-

ловека о надындивидуальном взаимодействии со структурой мироздания, хотя центрирующее начало данной структуры, наделённое характером фундаментального основания, принадлежит поиску научной мысли, что экстраполировался и в тенденции настоящего времени, тенденции поиска гипотетического слияния аспектов теорий бытия в современной физике бытия.

Математическая детерминанта всей совокупности проявлений действительности в форме движения, присущего бытию как свойство бесконечного изменения, эволюции состояния, отражена ещё в представлениях Пифагора о происхождении материального воплощения вещей из численно детерминируемого свойства иного элемента реальности, бытийствующего в рамках собственного проявления изолированно, но взаимосвязанно с реализуемыми жизненными фактами природы вещного характера. Иными словами, Вселенная обладает важнейшим свойством возможности числовой интерпретации своих элементов сообразно основным принципам, продиктованным математической наукой согласно необходимости применения в физике бытия. По В.Б. Окорокову, Вселенная, проявляющая свойства жидкости в условиях высоких температуры и давления, обладающая параметрами частицы, жёстко определённой системой взаимодействующих и характеризующихся основополагающим влиянием в собственной реализации данной частицы полей, в целом детерминируется математическими установками плана организации бытия, не столкнувшемуся с противоречиями в современной системе взглядов на мироустройство [1, с. 127–131].

Математическая и позитивистская трактовка бытия, тем не менее, не отражает реалии современного поиска истины, сопряжённого с принципами научного знания и правилами его реализации, выработанными учёными за предыдущие поколения и систематизированными в специальных теориях, могущих нести аподиктический характер согласно математической модели. Тем не менее, по Г.Н. Калининой, важно рассматривать современную сторону развития науки согласно дифференциации сциентизма и противоположных учений, тяготеющих к гуманитарному познанию и ведущих к интерпретационной модели иной методики восприятия действительности, принципиально отличающейся от математического аспекта познания [2]. Недостаток антисциентизма заключён в возможности спекулятивного подхода к научному познанию как к чётко подразумеваемой структуре и последовательности действий, приданию ценности сомнению в реализации моделей, интерпретируемых согласно чёткому аналитическому параметру бытия. Впрочем, согласно цитируемому автору, «задачу осмысления изменчивости границ науки надо пытаться решать

на пути выхода за пределы сохраняющейся позитивистской её трактовки и понимания и отказа от крайних, «жёстких» моделей трактовки научной нормы и научности» [2, с. 139]. Следовательно, парадигма современной физики бытия может быть подвергнута анализу в способе рассмотрения, отличном от традиционного и сопряжённом с философским размышлением, тяготеющем к многообразию способов восприятия и раскрытию возможности существования определённых аспектов бытия, впоследствии достигаемых методами непосредственной реализации философских идей. Особый план значимости данной теории в настоящий момент продиктован особенностями развития физики бытия, определяющими организацию структур микрометрического уровня, интуитивно и концептуально отличающихся от реально воплощаемых в сознании объектов действительности, а также фактичностью отсутствия логической реализации в основах принципов современной научной теории, определяемой взаимодействием с критериями иррационального научному плану способа анализа объектов действительности. Необходимость совершенствования научного метода, тяготеющего к чувственному опыту, в плане придания «нового состояния в новых границах её [науки] самополагания» [2, с. 142], отражает слияние позитивного учения науки с важнейшими основаниями философского плана, с целью направленного конструирования единства понимания образца действительности как феномена, сосуществующего с бытием человека и реализуемого в идеальных началах. Они трактуются на фундаментальном уровне как влияние научного поиска человека на реальный конгломерат фактической реализации обстоятельств, выраженных собственной сущностью и возможностью определения научными методами физики бытия.

Проблема междисциплинарного синтеза, слияния принципов различных аспектов научного поиска рассматривалась и широко дискутировалась в исследованиях в области философии науки. Но особый интерес представляет возможная степень слияния научного знания с предпосылками религиозного характера, связанными с фактическим провозглашением фундаментальной ограниченности методов научной направленности в XX в. Если согласно М. Буберу, признание способов научного анализа единственно верными и реализуемыми во множестве аспектов действительности привело к отказу от ведущей роли религиозного учения, базирующегося на признании внешней ограниченности феномена существования, то дальнейшее развитие и совершенствование научных устремлений привело к познанию фундаментальных основ бытия, в основе своей чуждых восприятию человека [3]. «Религия стала возможна после 1927 г. — года окончательного создания квантовой меха-

ники» — отмечает астрофизик А. Эддингтон [4, с. 51]. Значит, иное образное наполнение предмета научного рассмотрения определило границы науки и систематизировало познание действительности человеком согласно данным границам. Была потеряна сопряжённость научного поиска с реальным аналогом жизни человека, что для А. Камю стало непреодолимой преградой к познанию принципов бытия, диктуемых научными правилами, ограниченными лишь исследованием проявлений жизни, но не самой жизни, а также новым подтверждением абсурдности существования человека, определённой жизнью, столь странным образом выраженной в бесконечном просторе Вселенной, несущей чуждые человеческому восприятию свойства, явленной иной субстанцией безмерного уровня и, сущностно, носительницей определяемого автором абсурда бытия [5].

Тенденция к предотвращению деструктивного начала определения непосредственных границ физической теории и тайн неопределённости, выраженной в неприменимости разного рода аспектов к данной теории, может быть выражена, в том числе, в глубокой философской интерпретации рассматриваемого вопроса, некоторые аспекты которой были описаны выше. Согласно Л. В. Шиповаловой, герменевтический подход к анализу концепта как элемента научного воплощения в современном понимании и детальном анализе способен распределить метод исторического анализа, выявления генезиса и свойств образа данного концепта, сообразно необходимости определения субстанциальных параметров объекта, значимого для реализации научного поиска. Философский анализ играет формообразующую роль в выявлении свойств объектов действительности, так как позволяет уточнить сущностный параметр, глубину выражения значимой сути рассматриваемого объекта, определить иные способы его восприятия, дать возможность образовать иную картину воплощения научной мысли, продиктованную устремлением к познанию проблематики бытийственного взаимодействия человека и рассматриваемого феномена [6, с. 42–43].

Как уже было сказано, развитие представлений о явлениях микрометрического уровня и создание основы, на базе которой сформировалась квантовая физика, явило собой важную веху в истории философии науки и в истории анализа вопроса о границах науки, её имманентных свойствах и проявлениях во взаимодействии с иными сторонами действительности человека. Квантовая физика изменила взгляд на многие вещи, структурировав комплексный подход к понятию и пониманию принципов всей науки и физики бытия в частности.

Квантовая физика является «теорией фундаментальных превращений» [7, с. 28], и подобная основа данной отрасли науки детерминировала её восприятие согласно устоявшимся принципам физической науки в классическом понимании. Изменение квантового состояния, описываемого волновой функцией, несущей вероятностный характер, т. е. характеризуемого множественностью возможных проявлений, суть квантовое превращение. Подобное понимание отражает трансцендентный характер попытки воплощения квантовой физики в реализованную сознанием форму, но способно чётко выразить данное направление как определяемое высокой степенью независимости от параметров макрометрических объектов и самодостаточностью в плане дальнейшего анализа и проведения работ по структурированию материала, требующего рассмотрения в принципиально ином локусе существования человека [7, с. 28–30].

В заключение описания основных тенденций современной физической науки необходимо указать на главнейшие задачи физики бытия, диктуемые совокупностью современного теоретического блока человечества, несущего разнородную, но должную быть систематизированной, параметрическую совокупность сведений об объектах различных размеров, масс, в пределах различных времён действия, вступающих в различные роды взаимодействий, согласно действиям детерминирующих свойства объектов полей и т. п. [7, с. 33–34].

Поиск единства в научной теории современной физики приобрёл характер, подобный идее-фикс, определивший развитие физической науки в сторону систематизации знания, развития представлении о бытии, познания фундаментальных основ действительности, граничащих с определением истинных первооснов бытия. Роль физической науки, опирающейся на функциональное воплощение мироздания — математический мир, но требующей возможной интерпретации гуманитарного характера с целью осознания сути поиска идеи существования, в настоящий момент приобретает характер главнейшей для реальности общества. Определяя бытие человека, физика раскрывает глубинный потенциал для развития, совершенствования теории, в непрерывном и не могущем быть завершённым поиске истинной природы вещей, в совокупности составляющих бытие человека.

Литература:

1. Огороков, В.Б. О единстве истины и о границах существования мира в науке, философии и религии // Философско-космологическое объединение. 2009. 1 (7). 126–135.

2. Калинина, Г.Н. Концепт «границы науки» в современной философии науки // Наука. Искусство. Культура. 2014. 3. 137–143.
3. Мартынов, М.Ю. Проблема границ науки // Современные проблемы науки и образования. 2014. 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15652> (дата обращения: 28.04.2016).
4. Гриб, А.А. Квантовая физика, случай и религиозный опыт // Религия и наука: антропологическая перспектива. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 51–60.
5. Camus, A. *The Myth Of Sisyphus And Other Essays*. Trans from the French by Justin O»Brien. New York: Vintage Books, 1955. 13–16.
6. Шиповалова, Л.В. Феномен науки: за границами естественно-научного образования понятий // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2014. 17. 30–45.
7. Иванов, М.Г. Как понимать квантовую механику. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012, 516.

5. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Human security: о понятии

Васильченко Оксана Константиновна, аспирант
Дальневосточный федеральный университет

Проблема безопасности на сегодняшний день в силу ряда очевидных причин является одной из самых обсуждаемых среди экспертов и исследователей. Безусловно, тема безопасности всегда была в центре внимания международного сообщества и традиционно понималась как защита территории военными средствами. Однако современные реалии заставляют отказаться от милитаристских трактовок, и этому есть объяснение. Во-первых, такой подход не учитывает культурные и эмоциональные факторы, в результате чего невозможно объяснить решение того или иного государства о начале войны. Во-вторых, принцип невмешательства во внутренние дела государства и неимоверно возросшее количество чрезвычайных ситуаций в гуманитарной сфере не могут мирно сосуществовать. В-третьих, такие подходы характеризуются очень низкой прогностической способностью.

Встает вопрос о поиске альтернативы традиционным подходам в области безопасности. К тому же, такая альтернатива уже имеется. Это концепция личностной безопасности, предполагающая, что основным референтом безопасности должно стать лицо, а не государство.

Надо отметить, что идея личностной безопасности не нова по своей сути. Первые попытки поставить личность во главу угла при обсуждении вопросов безопасности можно увидеть еще в материалах о сотрудничестве Канады и Норвегии в проведении миротворческих операций ООН в 1960-е годы. В начале 90-х гг. с окончанием холодной войны и началом публикации Докладов ООН по развитию эта концепция приобрела множество последователей, а в конце 90-х уже обсуждалась на международном уровне.

Первым внимание к этой проблеме привлек доктор Махбуб-уль-Хак, выступая с новаторским Докладом по развитию в 1994 году в рамках Программы развития ООН [8]. Он обратил внимание на тот факт, что продолжительное

время понятие безопасности трактовалось слишком узко, а именно как защита государственной территории от внешней агрессии, как защита национальных интересов или как защита всего мира от угрозы ядерной войны. Однако о защите жизни обычных людей никто не думал. В Докладе были изложены семь основных компонентов личностной безопасности: экономическая, продовольственная, персональная, общественная, политическая, а также безопасность окружающей среды и здоровья. Персональная безопасность предполагает защиту от таких вещей, как пытки, война, криминал, домашнее насилие, наркотики, суицид и дорожно-транспортные происшествия. Общественная безопасность подразумевает поддержание жизнедеятельности традиционных культур и этнических групп. Политическая безопасность дает возможность реализовать гражданские права и свободы и защищает личность от притеснений со стороны власти. Личностная безопасность рассматривалась в докладе как универсальная (одинаково применимая ко всем людям и обществам), взаимообусловленная (соединяющая различные виды угроз воедино), превентивная (ставящая во главу угла сокращение причин небезопасности) и ориентированная на личность (фокусирующаяся на человеке, а не на взаимоотношениях национальных государств).

Концепция личностной безопасности постулирует всестороннюю защиту личности, а не только защиту государства от внешних угроз. Такой посыл заставляет отказаться от преобладающего в международных отношениях со времен Вестфальского мира анализа, основной единицей которого является национальное государство, и сосредоточиться на широком спектре других акторов, таких как индивиды, социальные группы и локальные сообщества.

На сегодняшний день идея личностной безопасности вызывает оживленные споры среди исследователей в области международных отношений [5, с. 72–75]. Популярность данной концепции можно объяснить желанием понять изменение функций служб безопасности за последние десятилетия, когда международное сообщество увеличило количество миротворческих операций в местах ведения гражданских войн. Вмешательство распространилось далеко за пределы обеспечения безопасности войсками ООН и охватило проблемы по преодолению человеческих страданий, разрушения экономики, социальных преобразований и соглашений об обеспечении исполнения обязательств для новых конституционных учреждений. Увеличению количества миротворческих операций способствовало широко распространенное убеждение о том, что раздираемые внутренними конфликтами общества, долговременная самодержавная власть в которых сдавала свои позиции, становились благопри-

ятной почвой для терроризма, организованной преступности, геноцида, политического экстремизма, а также очагом распространения средств вооруженной борьбы и чрезвычайных ситуаций гуманитарного характера.

Первоначально роль международных миротворческих сил ограничивалась противодействием межобщинному насилию, зачисткой минных полей и конфискацией мелкокалиберного вооружения. В настоящее время их обязанности неразрывно связаны с такими проблемами, как продовольственное обеспечение, медицинская помощь, контроль над попытками переворотов, содействие в продвижении переговорного процесса, а также расширение полномочий местных служб безопасности. Изучая эти изменения, сторонники концепции заявляют, что личностная безопасность имеет все шансы стать новой парадигмой в области международных отношений. Более того, она может постепенно разрушить традиционные дисциплинарные барьеры, разделяющие ученых на тех, кто занимается вопросами территориальной обороны и тех, кто сосредоточен на проблемах международного развития, экономического роста, социальной защиты, смены режима и процессах демократизации [3, с. 31–34]. Междисциплинарное изучение личностной безопасности объединяет экспертов в области прав человека, кризисного управления и незащищенных слоев населения, конфликтологии и международного развития, а также военной безопасности.

Такая смена взглядов произошла в результате изменения ценностей среди передовых индустриальных обществ. Основной функцией первых государств было сохранение монополии на насилие, с помощью которого они защищали граждан как от произвола внутри, так и от завоевания извне. Это являлось необходимым элементом для выживания, так как запасы продовольствия были скудны. Большую часть своей истории человечество сталкивалось с проблемой нехватки продовольствия. Основная масса населения существовала на грани бедности. Насилие было единственной возможностью защитить дефицитные средства к существованию. Те, кто мог удержать монополию на насилие, обычно присваивали себе гораздо больше положенного, несмотря на бедственное положение народа, предоставляя последнему преимущество быть ограбленным собственными правителями, а не чужеземными захватчиками. В таких условиях изучение безопасности сводилось к проблемам вооружения.

Все изменилось после Второй мировой войны в период бурного роста экономики, а к моменту окончания холодной войны этот процесс только ускорился. Возникла концепция личностной безопасности, которая все так же включала в себя военную безопасность, но теперь охватывала более ши-

рокий круг вопросов. Среди развитых стран межгосударственные войны стали более редким явлением по двум причинам: неэффективность таких предприятий и неприемлемость их ведения развитыми демократиями. В то же время в связи с глобализацией и культурными изменениями появились новые проблемы, такие как защита окружающей среды и права человека. Это развитие отражает экономические, технологические и социальные изменения, связанные с модернизацией. Данные многочисленных опросов показывают, что в странах, где наблюдается экономический рост, а личность охраняется, происходит смена ценностных приоритетов. Если раньше они ограничивались относительно узким набором элементов для выживания, то сейчас можно отметить расширение привычного круга целей. В ответ на это правительства многих развитых стран отошли от трактовки политики безопасности исключительно как военной обороны и сделали ее приоритетом личностную безопасность. Принимая во внимание сохранение продолжительной бедности, болезней и конфликтов во всем мире — ключевых движущих сил страха и нужды — крайне необходимо отслеживать угрозы личностной безопасности и выявлять важнейшие факторы успеха и неудач с целью предотвращения негативного сценария.

Вокруг концепции личностной безопасности до сих пор идут споры и поднимаются вопросы о ее теоретической состоятельности. Многие традиционалисты даже отвергают ее, настаивая на том, что само понятие неопределенно и нормативно обусловлено и представляет собой перечень разноплановых актуальных вопросов, требующих тщательного анализа. Также ученые спорят о том, стоит ли сузить или, наоборот, расширить понятие. Традиционалисты выступают против последнего, аргументируя это тем, что расширение списка потенциальных угроз только навредит целостности и точности теории [7, с. 87–102]. Они полагают, что если в понятие безопасности включить все — от продовольствия до безопасности окружающей среды и от экономической до политической безопасности — оно потеряет свое основное значение и превратится в риторический лозунг.

Защитники концепции, напротив, не считают, что широкий спектр проблем портит идею личностной безопасности. Они критикуют традиционные подходы к безопасности, которые, по их словам, отдают приоритет порядку, а не справедливости и свободе личности [4, с. 356–357]. Такие подходы просто игнорируют тот факт, что большая часть населения планеты страдает не от угрозы вооруженного вторжения со стороны соседнего государства, а от голода, криминала, болезней, политических репрессий и риска загрязнения окружа-

ющей среды. Более того, по мнению защитников концепции личностной безопасности, под прикрытием государственного суверенитета правительства совершают преступления в отношении своих же граждан и не несут за это наказание. «Государственный суверенитет — часть проблемы, а не источник ее решения» [2, с. 373]. Однако, даже сторонники идеи личностной безопасности признают за ней неоднородность и несвязанность.

Отсутствие консенсуса среди приверженцев данной концепции создает дополнительные проблемы при ее адаптации в качестве части международной политики государств. Возникают разногласия между странами о том, что же в конечном итоге подразумевать под личностной безопасностью и как наилучшим образом вписать ее в политический дискурс. К примеру, Япония, одна из немногих стран, признавших личностную безопасность частью своей политической доктрины, взяла на вооружение данное понятие в широком смысле. Это отражено в докладе Комиссии по личностной безопасности 2003 года. Личностная безопасность — это «свобода от нужды» и «свобода от страха» — личность должна быть защищена от негативного воздействия и иметь право вести личную жизнь так, как хочет. Канада, напротив, рассматривает личностную безопасность в узком смысле как «свободу от страха». Очевидно, что канадская политика в основном ориентирована на более ограниченный курс защиты и в меньшей степени на предоставление возможностей [6, с. 116].

Таким образом, на данный момент эта концепция слабо разработана и требует разъяснения ключевых моментов. Начать следует непосредственно с определения понятия. Выделяют четыре основных трактовки личностной безопасности [1, с. 98–100].

Первая трактовка делает упор на базовые человеческие потребности. В этой трактовке можно выделить несколько основных положений:

- референт безопасности — личность, а не государство или общественные группы;
- угрозы личностной безопасности — угрозы для всех, несмотря на то, что их интенсивность может различаться;
- все компоненты личностной безопасности взаимосвязаны;
- главное — это безопасность и свобода личности.

Личностная безопасность здесь имеет прямую связь с качеством жизни людей: все, что снижает это качество, и есть угроза личностной безопасности.

Вторая трактовка (интервенционистская) предполагает, что безопасность государства не обязательно обеспечивает безопасность граждан. В современном мире, где в ходе вооруженных конфликтов страдает в основном мирное

население, необходимы меры по уменьшению негативных последствий для обычных людей. Причем государственный суверенитет в этом случае не может стать помехой.

Личностную безопасность также можно трактовать через призму моделей развития. Развитие здесь — ценность, которая служит основой для достижения остальных общественных благ и свобод и выражается в идее партнерства между различными участниками международного процесса. Приверженцы данной трактовки выступают за регулирование и институционализацию взаимодействий и отрицают неконтролируемое воздействие рыночных сил. По их мнению, такие меры могут способствовать более равномерному распределению плодов глобализации и минимизации ее отрицательных последствий.

Существуют нетрадиционные подходы к трактовке личностной безопасности, которые рассматривают такие угрозы, как наркотрафик, терроризм, эпидемии, кибервойны. Чаще всего объектом защиты при такой трактовке является государство, но иногда им может стать и индивид.

Несмотря на некоторые различия, все вышеописанные трактовки личностной безопасности устанавливают референтом безопасности индивида, а не государство и его суверенитет. Однако многообразие трактовок и отсутствие единого прочтения ведут к тому, что понятие «human security» используется в том значении, которое наиболее удобно для тех, кто его употребляет.

Литература:

1. Балуев, Д. Г. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. — 2003. — № 1. — с. 95–105.
2. Bellamy, A., McDonald, M. The utility of human security: which humans? What security? A reply to Thomas and Town // Security Dialogue. — 2002. — Vol. 33. — No 3. — P. 373–377.
3. Glasius, M. Human Security from Paradigm Shift to Operationalization: Job Description for a Human Security Worker // Security Dialogue. — 2008. — No 39 (1). — P. 31–54.
4. Grayson, K. A challenge to power over knowledge in traditional security studies // Security Dialogue. — 2004. — Vol. 35. — No 3. — P. 356–357.
5. Inglehart, R., Norris, P. The Four Horsemen of the Apocalypse: Understanding Human Security // Scandinavian Political Studies. — 2012. — Vol. 35. — No. 1. — P. 71–96.

6. McCormak, T. Power and agency in the human security framework // Cambridge Review of International Affairs. — 2008. — Vol. 21. — No 1. — P. 113–128.
7. Paris, R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? // International Security. — 2001. — No 26 (2). — P. 87–102.
8. United Nations Development Programme (UNDP). Human Development Report. New York: UNDP, 1994. / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/humandev/>.

Современные проблемы безопасности с точки зрения философии языка

Звездин Лев Александрович, адъюнкт

Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

Проблемы общественной и государственной безопасности в современном мире, становящемся глобальным, для социального сектора философии не новы, но в настоящее время, как представляется, они находятся на участке своего интенсивного развития вследствие определённых парадигмальных трансформаций мирового политического устройства, которые носят, зачастую, неявный характер.

Говоря о схожих по своим масштабам военно-политических изменениях в периоды мировых войн XX века, следует отметить, что в те времена по сравнению с текущими событиями картина была иной, по крайней мере, если судить о мировом наследии социальной философии в работах авторов, переживших для себя те исторические события. Так или иначе, для XX века в качестве характерной черты философской мысли при рассмотрении общества прослеживался культурологический и этический дискомфорт, вызванный влиянием массовых тираний и наступивших за этим последствиями, которые оценивались и оцениваются по-разному. Но всё же мыслителей волновал диссонанс между высоким этико-аксиологическим предназначением человека и теми результатами деятельности человеческого общества, которые неустанно приводят к массовым жертвам, разрушениям, разного рода идеологическим уродствам и экологическим потрясениям. Осознание одновременно своего места и роли во

Вселенной и при этом своих саморазрушительных способностей, для человечества не могло оставаться незамеченным.

Несмотря на выработанные в сфере осознания критического положения общества выводы, во второй половине XX века человечество интенсивным развитием достигло уже того критического предела в своих поражающих способностях, когда их применение неизбежным образом привело бы к самоуничтожению. Тогда понимание этого факта снова потребовало от философской мысли соответствующей реакции, которая впоследствии вносила свои коррективы в политический процесс. В результате в мировой политической практике акцент постепенно и неуклонно смещался в область усиления и использования политического влияния, растущих возможностей коммуникации, применения тех или иных форм международного права для достижения политических целей с подкреплением своих доводов путём реализации локальных вооружённых конфликтов, главные участники которых, по большому счёту, скрывали свой прямой интерес и даже присутствие. Таким образом, непосредственное вооружённое насилие заняло второстепенное место в мировом политическом процессе, по крайней мере, с точки зрения глобальной безопасности. Однако всё более возрастающее значение наблюдаемой в настоящее время практики использования модели так называемого «управляемого хаоса», при которой его ключевые организаторы остаются как бы в тени, но при этом непосредственно удовлетворяют свои интересы, ставит новые задачи перед науками социального сектора по вопросам безопасности, особенно, учитывая реальные угрозы выхода подобного процесса из-под всякого контроля. При этом классические проблемы нравственности уже отходят на второй план (по-прежнему возлежа в основании), поскольку события искусственно маскируются под естественный ход истории.

Подытоживая вышесказанное, следует выделить последовательность проявления отдельных основных акцентов в проблемах международной безопасности, ведя отчёт с начала XX века как эпохи становления и признания существования глобальных угроз:

1. Угроза международной стабильности с точки зрения массовых войн с применением технических достижений, приводящих к массовым жертвам и разрушениям с умеренными экологическими последствиями (Первая мировая война).

2. Угроза международной стабильности с признаками реальной опасности обществу вследствие утверждения идеологий критического неприятия отдельных этнических и культурных групп с масштабным применением техни-

ческих достижений, направленных на массовое истребление людей с возрастающим влиянием реальных катастрофических последствий для экологии (Вторая мировая война).

3. Прямая угроза международной безопасности вследствие противостояния взаимоисключающих идеологических полярностей с непосредственной возможностью применения технических средств глобального уничтожения человечества и самой среды его обитания (вторая половина XX века, «холодная война»).

4. Угроза международной стабильности со стороны международных экстремистских организаций с сетевой структурной организацией при локальном применении военной силы и широком задействовании возможностей политической дискуссии (конец XX — начало XI века).

5. Угроза международной стабильности со стороны результатов политической дискуссии, приводящих к одностороннему принятию решений с локальным применением военной силы и появлению масштабных регионов мира с затяжной военно-политической нестабильностью, приводящей к массовым жертвам, гуманитарным и экологическим катастрофам (до настоящего времени).

6. Потенциальная угроза международной безопасности вследствие двоякого, выгодного в вою пользу толкования норм международного права, сопровождающегося бескомпромиссной политической дискуссией, агрессивным информационным противоборством, многочисленными локальными конфликтами с массовыми жертвами и разрушениями, гуманитарной и экологической лавинами катастроф (с настоящего времени — прогноз).

В рамках предложенной классификации возрастание интенсивности политической дискуссии и, как следствие, роли языкового фактора в информационном противоборстве должно быть отмечено как неизбежное, принимая во внимание беспрецедентное развитие и распространение коммуникационных и медийных возможностей. С точки зрения философии, лингвистическая парадигма в науке также набрала свой ход и представляет собой, фактически, передовой край этой науки и, как следствие, других наук. Тенденция к распространению междисциплинарных подходов в научной среде диктует требования к выработке инструментария формального взаимопонимания, который реализуется в сфере языка. Таким образом, язык как универсальное орудие обмена и коммуникации начинает выступать и как инструмент активного воздействия, и его коммуникативное поле начинает служить театром самого что ни на есть противостояния. Международное противостояние, таким образом, оказа-

лось вдавленным внутрь дискуссии и языка, оказавшись между «наружным», то есть непосредственно военным, и «глубинным», то есть ценностно-нравственным. Те весомые взаимодоговорённости, достигнутые в поле языка в результате политического процесса с учётом возможности использования военной силы, служат точками роста или убыли международной напряжённости, напрямую влияющей на международную безопасность. Например, знаменитое решение Президента РФ В. Путина в 2013 году о договорённостях с руководством Сирии по сотрудничеству в сфере добровольного уничтожения оружия массового поражения этой страны привело к повороту в мировом политическом дискурсе и, следовательно, к перерасстановке военно-политических сил, став впоследствии новой точкой отчёта событий. Следует отметить, что важнейшую роль в приведённом примере играет время сделанного заявления, а также его форма. Языковая реализация решения, сама её ненавязчивая (то есть полноценно совпадающая с естественным ходом истории с точки зрения следования идеалам гуманизма) форма и уместность выполнили ту роль, которая была бы не под силу даже огромным военным ресурсам. При этом снова выделяем ценность не именно решения, поскольку оно, в принципе, может быть отнесено к разряду самоочевидных, а конкретно форму и уместность высказывания. Не будет чрезмерным преувеличением сказать, что язык обезоружил потенциального агрессора. В результате градус международной напряжённости, зависящей, казалось бы, от локального конфликта, был, практически, на достаточное время исчерпан.

Даже различные «летучие выражения», известные фразеологизмы, сыгравшие важную роль в международном взаимодействии, часто определяют цели и настроения целых эпох, менталитеты народов, устремления, надежды. А с этим связаны также и вопросы безопасности, военного присутствия, экономического состояния. Высказывание — как квинтэссенция политического горнила. Языковыми средствами можно как созидать мирные процессы, так и разрушать их, несмотря на все усилия по их подготовке. Не случайно слово «полемика», обыкновенно заключающее в себя спор и дискуссию, происходит от древнегреческих корней: « $\pi \mu$ » — «военное дело», перекочевав в русский язык от французского слова «*polémique*» в XIX веке [1]. То есть рассмотрение военно-политического процесса с точки зрения дискуссии и, следовательно, языка как такового оказывается совершенно не надуманным.

Почему эта тема важна для философии и, мало того, является её частью? Потому что данная тенденция является органически совпадающей с развитием лингвистического поворота и в философской науке. Внимание к языку с

точки зрения описанных проблем закономерным образом возрастает. Этот рост в философии отмечается с начала XX века, когда из техницизма науки через начальное приложение математического аппарата язык выкристаллизовался в самостоятельный и, по большому счёту, самодостаточный объект как разного рода наук, так и культурно-общественной жизни. Рост влияния СМИ и коммуникационного поля в целом достиг высокого значения. В сфере безопасности становится всё более важным понимание того, как, когда и что следует сказать, нежели сосредотачивать усилия и средства на производство армاد боевой техники. Время массовых боевых сражений отходит, а время всеобъемлющей дискуссии развёртывается на наших глазах. Для этого нужно хотя бы понимание того, что приобрело наибольшую значимость в сфере международной безопасности, международных отношений. И здесь нам опять же придётся говорить о языке.

Одним из основных проблемных полей в общественной значимости языкознания является понимание того, что о языке мы рассуждаем также на языке, и это прямым образом отсылает нас к философской направленности данной проблемы. Философия языка, обладая критической функцией по отношению к другим наукам о языке, способна наиболее экспертно устанавливать его существенные особенности, чтобы затем с учётом современных достижений адекватно исследовать и определять критерии их влияния на вопросы безопасности. Непосредственная связь языкознания и проблем безопасности признана на государственном уровне, и в настоящее время структуры, основанные на языке или, собственно говоря, качественно его отражающие, становятся «объектами государственной культурной политики», которые определяются как «материальное и нематериальное культурное наследие, все виды и результаты творческой деятельности, система образования, наука, русский язык и языки народов Российской Федерации, семья, системы межличностной и общественной коммуникации, медийное и информационное пространство, международные культурные и гуманитарные связи» [2]. Подобный своевременный подход в полной мере соответствует актуальным проблемам безопасности и позволяет адекватно на них реагировать.

Наконец, вновь обращаясь к международной политической тематике, следует выделить некоторые основные направления приложения к ней философии языка, которые естественным образом порождаются ключевыми проблемами мирового политического дискурса:

1. Проблема выработки системы этико-аксиологических взаимопринимаемых оснований для образования поля возможностей коммуникации как таковой. Является основополагающей для всего процесса коммуникации.

2. Герменевтическая проблема понимания и, следовательно, взаимопонимания, которая в результате ограниченного временного ресурса может серьёзным образом сказываться на ошибках реализации интересов в рамках политического процесса. Сюда же отдельно можно отнести оценку базовых положений права с привлечением культурологических систем ценностей, не исключая при этом заведомой политической ангажированности.

3. Структурная проблема организации системы международной политической коммуникации, реализуемой в динамичной среде с непредсказуемыми включениями разного рода факторов, влияние которых может быть оценено только постфактум с течением достаточного количества времени, что, в свою очередь, имеет основание и в герменевтической проблеме.

4. Проблема распознавания мировых событий на начальном этапе, развивающихся впоследствии в ключевые и важные составляющие ближайшего политического процесса и требующих вследствие этого включения в структуру организации системы международной политической коммуникации. Таким образом, данная проблема связана с герменевтической и структурной.

Итак, мы постарались показать, что новые реалии проблемы безопасности находятся в непосредственной зависимости от результатов мировой политической коммуникации, основообразующим медиатором которой выступает язык, являющийся одним из важнейших направлений развития философии на современном этапе.

Литература:

1. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов/ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. — 7-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2004. — 398, [2] с. [URL: <http://etymological.academic.ru/3826> (дата обращения: 26.09.2015)].
2. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (URL: <http://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 19.08.2015)).

Определение социальной ответственности власти

Руднева Елена Леонидовна, аспирант

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Актуальность исследования социальной ответственности власти продиктована её недостаточной разработанностью в рамках именно социально-философского поля и смежных наук, таких как политология, социология, кратология. Сегодня представляется возможным заполнить лакуну в философских категориях и на основе имеющихся теоретических и эмпирических исследований ввести дефиницию социальной ответственности власти в научный аппарат социально-философского знания.

В данной статье предстоит провести экспликацию «социальной ответственности власти» и выявить ее критерии. Предметом данного исследования является социальная ответственность власти. Научная гипотеза заключается в следующем: социальная ответственность власти является многогранной категорией. Кроме того социальная ответственность власти соотносится со всеми видами власти. Социальная ответственность есть социальное проявление власти. Критерии социальной ответственности власти и собственно оценка социальной ответственности власти во многом зависит от существующего политического режима и действующей политической системы.

Для достоверности нашей работы важно определить значение понятия «власть». Понятие власти трактуется по-разному. Среди исследователей, изучавших природу власти и проблематику власти в целом, следует отметить Б. Рассела [10]. В рамках теологической концепции Б. Рассел определяет власть как реализацию намеченных целей, «создание намеченного эффекта».

Распространение получило определение власти М. Вебера, который определяет власть как навязывание субъекта объекту своей воли даже вопреки сопротивлению объекта [11].

Н. Луман в работе «Власть» отмечает, что «власть представляет собой шанс повысить вероятность возникновения прежде невероятных селективных связей... власть может быть понята только как символически генерализированное коммуникативное средство» [7].

В современных политологических исследованиях отдают предпочтение философскому подходу, согласно которому власть — возможность субъекта реализовывать свои решения и волю, оказывать воздействие на деятельность объекта при помощи различных средств и технологий.

Исследователь В. Лоскутов понимает под властью безымянную, неопределенную, мощную силу, естественную стихию, способную производить некоторые следствия в сфере не-власти [1].

В своих работах М. Фуко понимает «Прежде всего многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются». Власть может воспроизводить себя в любой момент в любой социальной системе. «Власть вездесуща; не потому, что она охватывает все, но потому, что она исходит отовсюду». «Власть — это название, которым обозначают сложную стратегическую ситуацию данного общества». Однако власть нельзя сводить к определенной властной инстанции, она проникает во все общественные отношения [9].

Распространение получило определение власти в контексте системного подхода, автором которого стал Т. Парсонс. Власть в его понимании «возможность и способность системы исполнения ее элементами принятых правил и обязательств» [5]. Власть есть некоторое отношение между субъектами и объектами этой системы, которые заведомо находятся в разных социальных статусах и исполняют разные социальные роли.

Х. Арендт определила власть как «способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми».

В рамках данной работы мы будем придерживаться определения власти как некой открытой системы деятельности, в которой все элементы связаны между собой выполнением особых обязательств, которые позволяют сохранять целостность системы в целом и ее отдельных элементов. Система имеет иерархичность — каждый ее элемент одновременно элемент системы и отдельная система. Власть как система более чем другие социальные системы способна влиять на образ жизни человека и общества в целом. Власть определяет развитие других систем, например, экономической системы, но сама этими системами определяться не может. Функции власти будут описаны нами ниже.

В узком смысле власть можно разделить на два вида: власть социальная и власть политическая. Социальная власть — неотъемлемый инструмент организации деятельности и функционирования социальных институтов. Власть социальная — элемент любой организованной социальной группы. Под властью политической следует понимать реальную возможность и способность представителей общественности, отдельных классов, групп проводить свою волю в

политической жизни общества и правовых нормах. Важно отметить, что политическая власть шире, чем власть государственная, с которой мы часто ее ассоциируем.

Априори атрибутивным свойством любой власти является ее свобода. Идея свободы является базовой идеей любого философского течения. В широком смысле свобода обнаруживает себя как нечто отрицательное «свобода от...». Свобода всегда сопряжена с ситуацией выбора, который субъект свободы может позволить себе сделать. Т. Гоббс разделил категорию свободы на свободу воли и свободу действий, которые до этого момента могли быть применимы к человеку как субъекту деятельности и носителю определенных ценностей и ценностных ориентаций.

Однако, допуская, что субъектом любой власти является человек или социальная группа, мы можем спроецировать категории «свобода воли» и «свобода действий» на категорию власть.

Свобода воли в широком понимании — следование долгу в его противостоянии с интересами, склонностями, симпатиями и антипатиями. Власть поступает своими интересами и выгодами во имя блага других. Часто, в интересах власти поступиться своими интересами.

Х. Аренд в своем произведении «Между прошлым и будущим» рассматривает проблемы связей между категориями между мышлением, волей и ответственностью. Воля в понимании Х. Аренд некий импульс для реализации целей. Волевое усилие и действие неразрывно связаны со свободой воли, с самоопределением индивида и ответственностью за свое существование.

Под свободой действий подразумевается отсутствие тех или иных факторов, препятствующих осуществлению, реализации задуманных целей, устремлений.

Свобода воли для власти есть некое балансирование между накоплением символического капитала (термин, введенный французским философом П. Бурдьё) и интересами других систем (местного сообщества, власти выше стоящей). Власть для воспроизводства себя должна учитывать интересы не-власти, и тем самым стремиться к утверждению себя в доминирующей позиции.

Свобода действий власти есть некоторое пространство, в рамках которого власть может воплощать задуманное в жизнь. Важно, что свобода действий всегда ограничена внутренними и внешними мотивами (какой образ власть транслирует для не-власти и что она представляет собой на самом деле) субъектов власти и различными факторами. Свобода действий не тождественно вседозволенности. Эти рамки могут быть обусловлены санкциями, примени-

мыми к власти от власти выше стоящей и общества, а также ее внутренними соображениями по поводу определенной ситуации.

Виды социальной ответственности власти определяются различными факторами: сферой деятельности (экономика, политика и т. д.), санкциями, правовой культурой, нормами морали, религией, которая господствует в государстве, а также формой санкций. Таким образом, можно выделить следующие виды социальной ответственности:

- политический
- моральный
- религиозный
- экономический
- этический
- правовой.

Социальная власть сопряжена со всеми видами социальной ответственности, где они имеют взаимное влияние друг на друга. Однако власть политическая также сопряжена с различными видами ответственности, но влияние на проявление социальной ответственности здесь оказывает именно политическая власть.

В качестве критериев социальной ответственности власти могут выступать:

- Высокий уровень развития человеческого капитала;
- обеспечение основных прав, свобод и гарантий человека;
- устойчивое экономическое развитие региона;
- представление интересов всех слоев населения;
- возможность каждого гражданина реализовывать свое активное и пассивное избирательное право;
- приоритеты деятельности соответствуют потребностям местного сообщества;
- эффективность реализации социальной политики.

Разные точки зрения на эффективность власти имеют субъекты власти, объекты власти и сторонние наблюдатели (философы, которые пытаются определить, какой политический режим наиболее эффективен, и социологи, которые фиксируют состояние политической систем). В современных исследованиях неявно существуют различные предположения на вопрос ответственности власти в определенном режиме. В большом проценте работ все характеристики режимов косвенно указывают либо на ответственность власти в рамках определенного режима, либо его безответственности. Наиболее ярко этот пример можно рассмотреть с позиции тоталитарного и демократического

режимов. Некоторые политологи придерживаются точки зрения, что ответственность власти проявляется только в демократическом режиме. Однако в данном вопросе нельзя с уверенностью сказать, что метод «невключенного наблюдения» является достоверным. Необходимо учесть и точки зрения «непосредственных участников» — субъектов и объектов власти, которые находятся в данных политическом режиме и политической системе.

Резюмируя это, можно сделать вывод, что содержание «социальной ответственности власти» не может иметь одного возможного определения из существования нескольких политических систем. Свобода как атрибутивная характеристика власти является основополагающей в социальной ответственности власти, которая не всегда является обязательной характеристикой власти — «де-юре», но не «де-факто». Сложность составления универсальной системы критериев ответственности власти и ее оценки заключается также в существовании нескольких политических режимов и функционировании нескольких политических систем. Дальнейшие исследования будет направлено на разработку модели оценки эффективности ответственности власти, которая могла бы быть применима в любой из политических систем.

Литература:

1. Безвиконная, Е. В. Системно-синергетическая модель политической системы //Полис. — 2009. — №. 3. — с. 113–124.
2. Берлин, И. Две концепции свободы //Современный либерализм. М. — 1998. — с. 19–43.
3. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства, церковного и гражданского. Избранные сочинения. Т. 2. М. Мысль. 1964. с. 231–234. (Ч. II, гл. XXI)
4. Ледяев, В. Г. Современные концепции власти: аналитический обзор // Социологический журнал. — 1996. — №. 3–4. — С. с. 109–126.
5. Лоскутова, В. А. «Власть в лабиринтах свободы» // Екатеринбург: РАН-ХиГС, — с. 37
6. Луман, Н. Власть/пер. с нем. АЮ Антоновского //М.: Праксис. — 2001. — Т. 2.].
7. Парсонс, Т. О понятии «политическая власть» //Антология мировой политической мысли. — 1999. — Т. 2. — с. 479–482.
8. Фуко, М. Интеллектуалы и власть //Неприкосновенный запас. — 2003. — Т. 3. — №. 3. — с. 29.

9. Шевцова, Ю.С. Концептуальные основы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти // TERRAECONOMICUS. — 2003. — с. 90.
10. Шмачкова, Т.В. Из основ политологии Запада // Политические исследования. — 1991. — №. 1. — с. 133–145.
11. Russell, B. Power: A new social analysis. — Routledge, 2004.
12. Weber, M. Economie et societe. T. 1. P., 1995. P. 95

Феномен «массового человека» как закономерный этап формирования «общества потребления»

Стоян Арсен Александрович, аспирант
Мурманский государственный технический университет

В данной работе рассматриваются различные подходы по вопросу восприятия феномена «массового человека» из «критических теорий» философии XX века. Анализ особенностей «массового человека» производится во взаимосвязи с влиянием «общества потребления» на его формирование.

Ключевые слова: «массовый человек», общество потребления, деиндивидуализация, симулякр, «авторитарный человек».

В середине XX века мировое сообщество, пережив тяжелейшие испытания в виде двух Мировых войн, особенно это касалось индустриально развитых западных стран, перешло в новую постиндустриальную эпоху, характеризующуюся усилением технократических тенденций, в которой последовательное увеличение экономических показателей роста и усиление массового потребления было объявлено наивысшим приоритетом. Показательно раскритиковав любые авторитарные режимы как формы социально-экономических отношений, глобальным приоритетом стало следование трендам демократически развитых сообществ, которые по своей сути, провозгласив «потребление ради потребления», трансформировали «теорию общественного договора», допустив индивидов к возможности повышения степени статусного

потребления в обмен на ущемление части прав. Была создана новая структура, которая показательно возвела в степень повышенного внимания симулятивные институты поддержания человеческих прав и свободы, но в своей истинной подоплеке лишь усилила тоталитаризацию общественных отношений и установление единой идеологии — всеобщего потребления. Естественно, что для поддержания жизнеспособности подобной структуры понадобилось множество гомогенных единиц — людей, отдельных индивидуальностей, которые при соответствующей идеологической обработке могли бы создавать однородную усредненную массу, способную действовать по утвержденным шаблонам потребительского поведения. Таким новым социальным «идеалом» для общества потребления стал «массовый человек». Его феномен отчужденности и стремления к деиндивидуализации начал анализироваться ещё в философии XIX века, плавно перетекая через психологическое осмысление явления масс к выделению и феноменологическому восприятию понятия «массовый человек».

В системе общественных отношений, где воцарилась в качестве основной функция удовлетворения потребностей, главенствующую роль стало играть «общество потребления». Его феномен и взаимосвязь с «массовым человеком» впервые активно начали осмысляться представителями Франкфуртской критической школы.

Так, немецкий философ и психолог Эрих Фромм усилил и расширил определение «общества потребления», в котором вся общественная структура современного социума сводится на расширении индивидуального потребления элементарными элементами технократического общества — множеством «массового человека», который приносит в жертву собственную личность и возможности ее развития и подстраивается под определенные идеологически откорректированные правила социального существования и поведения [6, с. 133].

При этом, основным «рупором» внедрения и распространения потребительской идеологии становятся СМИ, чья роль серьезно возрастает и которые оказывают основательное давление на перемены в мировосприятии «массового человека»: у индивида формируется узконаправленное потребительское видение, в котором нет возможности для сомнений или критики.

Подобный критический симбиоз негативно влияет на «массового человека», усиливая его деструктивность, стремление подчиниться наивысшей правящей силе, что носит явные мазохистские оттенки. Фромм выделяет типологию «массового человека»: она состоит из «авторитарной личности» (что

касается тоталитарных режимов) и «конформистской личности» (проявляется в либерально ориентированных «обществах потребления»).

Теодор Адорно, основываясь на собственных социологических исследованиях, приходит к выводу, что по своей сути любой «массовый человек» в большинстве случаев окажется «авторитарной личностью», в которой, вне зависимости от общественного строя, заложена тяга к усреднению и желание быть субъектом контроля со стороны высшей власти. Этот отчаянный конформизм, помноженный на тягу к тотальному подчинению, в любой момент способен трансформировать любое демократически настроенное общество в жесткую тоталитарную диктатуру, в которой есть подчинение главным идеологическим постулатам и любое отклонение от которых в виде независимого мнения, строго порицается [1, с. 379].

Герберт Маркузе развивает данное направление своей теорией «одномерного человека». По мнению философа, опасность современной потребительской системы заключается в создании ряда абсолютно ложных потребностей, которые заставляют индивида ставить их достижение в личном приоритете постановки цели. В итоге, развитая технократическая структура не только не облегчает жизнь индивида, но и усиливает его борьбу за существование, нивелируя ее негативный эффект различными лозунгами о достижении личного счастья путем выполнения программы удовлетворения потребительских желаний. Идеологический аппарат поддерживается системами общественного контроля, которые применяют градационную репрессивность в отношении тех, кто пытается поставить под сомнение существующую структуру.

В такой системе человек переходит в состояние одномерности мышления, становясь объектом манипуляции со стороны властного аппарата, под воздействием идеологических установок, отторгает как критическое мышление, так и любые личностные проявления, становясь частью усредненных элементов — массы, которая любое вторжение в частную жизнь и ущемление прав воспринимает как обыденно нормальную ситуацию, ведь мотивация любого индивида подчинена единственной цели — достижения и увеличения статусного потребления [5, с. 163].

Заложив основы критической теории общества, Франкфуртская школа дала толчок к появлению других оригинальных социальных мыслителей и философов вроде Ги Дебора или Жана Бодрийяра.

Ги Дебор развивает постулаты критики «массового человека» и идеологии потребления в своей теории «общества спектакля», согласно которой любая общественная структура, пройдя через определенные этапы развития,

достигает некой точки, в которой вся социальная основа, любое ее восприятие и переживание из структуры реальности переносятся в виртуальную сферу. Более не существует объективной реальности, вся структура общества представляет собой массу разрозненных элементов, виртуально имитирующих реальную жизнь — «спектаклей». Под этим «нагромождением спектаклей» нет реальной основы, есть только ложь, утверждающая ее наличие. Индивид не может участвовать в этой виртуальной жизни, он только может безучастно наблюдать за ней и впитывать в себя основные идеологические догматы, которые направляют на определенный путь жизни. Пассивность и склонность к конформистской точке зрения заставляют индивида принимать и следовать этим основам, что приводит к появлению безучастной и безликой массы, способной только наблюдать со стороны и становится невольным соучастником всего указанного действия [3, с. 95].

Жан Бодрийяр усиливает данную теорию, вводя понятие «симулякра» и «симулятивности общественных отношений». Любое сообщество, ставящее целью усиление потребительской функции и опирающееся на «массового человека» как гаранта обеспечения ее жизнедеятельности, в степени виртуализации общественных отношений доходит до полной симулятивности любых процессов, создания некой видимости, не обладающей истинной основой. Любые властные институты становятся симулякрами — виртуальными носителями властной функции, референцией, не обладающей основой. Власть, которая существует для видимости, но оказывается абсолютно неспособна исполнять свои властные функции. Масса, обладающая выраженной способностью к имплозии, реагирует на это наивысшей степенью пассивности и игнорирования. «Молчаливое большинство» поглощает все идеологические догмы, не давая никакой обратной связи. Власть, пытаясь отрицать призрачность своего существования, пытается идти на диалог с массой, но безрезультатно. Если ранее «массовый человек» был способен воспринимать хотя бы образ, ни в коем случае не вдаваясь в восприятие сути идеи и усиление понимания, теперь оказывается замкнут и недоступен для диалога. Власть пытается усилить воздействие путем усиления информационного давления в попытках узнать, признает ли «массовый человек» ее существование или уже нет. И только способы новой идеологической накачки и усиление влияния идеологии потребления способны удерживать массу в определенных рамках поведения [2, с. 27].

Идею дальнейшего взаимодействия «массового человека» и управляющих структур «общества потребления» развивает словенский философ Славой

Жижек в своей критике идеологической власти. По мнению философа, современное общество находится в стадии эволюции и, несмотря на стабильное внедрение догматов идеологии потребления, власти нужны иные инструменты принуждения, в числе которых оказывается пропаганда видимой свободы. Репрессивный аппарат, осуществляющий функцию сохранения идеологического контроля, никуда не делся, он лишь трансформировался в несколько направлений поддержания насилия. Видимым элементом является только «субъективное насилие», чьи периодические проявления муссируются средствами массовой информации; кроме того, существуют ещё скрытые элементы — это выраженное в структуре языка и формах представления «символическое насилие» и так называемое «системное насилие», происходящее из итогов деятельности экономических и политических институтов, чья стабильность давно отсутствует.

Текущий дискурс оказывается направлен на искоренении негативных явлений и внедрения абсолютной справедливости. В борьбе с «символическим насилием» порождаются все условия для материализации и усиления двух других видов насилия. Постоянная необходимость и безотлагательность, выражаемая в форме лозунгов, фактически принуждает «массового человека» к совершению «чистого действия», за которым нет мыслей и эмоций. Основными отличительными чертами этой структуры скрытого насильственного управления являются политика страха и показная политкорректность, реализуемые через СМИ. На этих противоречиях и обеспечивая эффективность стратегия игры на первичных страхах толпы, строится определенная биополитика, которая сталкивает различные лагеря массовых сообществ между собой [4, с. 95].

Как видно из указанного анализа, «массовый человек» и его роль в функционировании «общества потребления», входили в число самых изучаемых направлений философии XX века. Через осмысление и определение феномена «массового человека» проведено аналитическое исследование взаимосвязей между «массовым человеком» и поддержанием жизнеспособности «общества потребления», властные структуры которого стремятся всяческим образом путем идеологической обработки и репрессивного аппарата, загнать индивида в узкие рамки поведения, где удовлетворение основных потребностей будет являться высшей целью человеческого существования.

Литература:

1. Адорно, Т. В. Исследование авторитарной личности / Т. В. Адорно (пер. с нем. М. Н. Попова, М. В. Кондратенко). — М.: Астрель, 2012. — 473 с.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального / Ж. Бодрийяр (пер. с фр. Н. В. Суслова). — Екатеринбург: Изд-во УГТИ, 2000. — 129 с.
3. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор (пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович). — М.: Логос, 2000. — 185 с.
4. Жижек, С. О насилии / Славой Жижек. — М.: Европа, 2010. — 184 с.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе (пер. с англ. А. А. Юдина). — М.: АСТ, 2009. — 331 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм (пер. с англ. Г. Ф. Швейника). — М.: Астрель, 2012. — 284 с.

8. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Второй закон термодинамики и его соотношение с христианской теологией

Печенкин Андрей Андреевич, кандидат философских наук

В современном постиндустриальном обществе принципиальное разделение науки и религии кажется естественным. Однако стоит отметить, что это разделение свойственно обыденному, бытовому пониманию соотношения науки и веры. При более углубленном изучении достижений науки мы в той или иной мере находим, что открытия науки ставят больше вопросов онтологического характера, чем снимают их. А в некоторых случаях достижения науки в определенной мере подтверждают религиозные представления. Ввиду обширности общерелигиозного анализа, в конкретной статье сосредоточим свое внимание на примечательных деталях христианской теологии, как наиболее логически и терминологически развитой среди всех религий, коррелирующих с рядом физико-математических теорий.

Вопрос об энтропии и теологии необходимо начать с обращения к «общей теодицеи», то есть с наиболее простого по форме, но сложного по содержанию проблемы вопроса: почему есть зло, если есть благое начало? Размышляя таким образом в рамках христианской теологии о природе Добра и Зла, обыденного несчастья, неизбежно приходишь к мысли об отсутствии божественного в нашем мире. Видя зло, страдания и мучения, которые существуют в мире, с неизбежностью логика дает лишь два ответа: или Бога нет, или Бог не властен над Злом (что ярко выражено в манихействе). Формально же происходит подмена причинно-следственных связей стандартной аристотелевской логики. В данном случае изначально взята за основу логики неразрывная связь всеблагости Бога и его действия в исторической реальности, то есть во временном отрезке определенного пространственно-временного континуума. В самой христианской теологии вопросы действия Бога в исторической реальности и соотношение его всеблагости с ущербностью мира решены в эпоху

Вселенских Соборов, однако целесообразно рассмотреть подтверждение теологии в ракурсе научного знания.

Итак, все существующее в реальном мире подвержено определенным процессам, которые мы способны математически описать. Все математические законы универсальны и применимы к любому участку Вселенной. Математические законы универсальны, но выведенные законы и аксиомы применимы не во всех случаях. К примеру, евклидова геометрия и ньютоновская физика в астрофизических процессах и в квантовой механике не действуют в безусловном виде.

Одними из универсальных постулатов, по которым функционирует любая физическая система, будь то Вселенная, галактика, живой организм или двигатель внутреннего сгорания — являются Законы термодинамики. Так, первый Закон термодинамики представляет собой формулировку обобщённого закона сохранения энергии для термодинамических процессов.

В исследовании вопроса теодицеи, интересен Второй Закон Термодинамики, а потому мы разберем его подробнее:

Существует два классических определения второго закона термодинамики:

1) Кельвина и Планка:

«Не существует циклического процесса, который извлекает количество теплоты из резервуара при определенной температуре и полностью превращает эту теплоту в работу».

2) Рудольфа Клаузиуса:

«Не существует процесса, единственным результатом которого является передача количества теплоты от менее нагретого тела к более нагретому».

Оба определения второго закона термодинамики опираются на первый закон термодинамики, утверждающий, что энергия убывает.

И тут мы приходим к ключевому понятию второго закона термодинамики — энтропии. Собственно, в термодинамике понятие энтропии было введено Р. Клаузиусом. Энтропия характеризует меру неупорядоченности термодинамической системы, то есть неоднородность расположения и движения её частиц. Чем энтропия выше, тем система беспорядочнее. Если переложить понятие энтропии на философско-религиозную терминологию, то Энтропия — характеризует процесс проникновения хаоса в систему. Упрощенно можно сказать, энтропия — воплощение разрушительного начала.

Энтропия порождается всеми процессами, она связана с потерей системой способности совершать работу. Рост энтропии — стихийный процесс. Если объем и энергия системы постоянны, то любое изменение в системе увеличи-

вает энтропию. Если же объем или энергия системы меняются, энтропия системы уменьшается. Однако, энтропия Вселенной при этом не уменьшается.

Для того, чтобы энергию можно было использовать, в системе должны иметь место области с высоким и низким уровнями энергии. Полезная работа производится в результате передачи энергии от области с высоким уровнем энергии к области с низким уровнем энергии. Соответственно, 100 % энергии не может быть преобразовано в работу и энтропия может вырабатываться, но не может быть уничтожена.

Доподлинно мы не знаем, какую систему представляет собой Вселенная открытую (обменивается с какой-либо другой системой энергией) или закрытую (обмена энергией с «другими» Вселенными нет) систему. Надо сказать, что большая часть сегодняшних астрофизических концепций рассматривает нашу Вселенную как систему закрытую.

Итак, первый закон термодинамики гласит: в закрытой системе энергия сохраняется. Второй закон термодинамики утверждает, что в любой замкнутой системе энтропия со временем только возрастает, достигая максимума. Основываясь на втором законе термодинамики, Рудольф Клаузиус предположил, что идеальная замкнутая система, Вселенная, со временем достигнет максимума энтропии, в результате чего прекратятся все макроскопические процессы. Он назвал это «тепловой смертью Вселенной». Фактически, процесс энтропии во вселенной должен происходить с возрастающим коэффициентом во всей системе. Однако, современные астрофизические наблюдения показывают, что Вселенная резко нестационарна, благодаря чему образуются источники низкой энтропии. Поставщиками низкой энтропии являются открытые системы в самой Вселенной.

Собственно, Рудольф Клаузиус прибегнул в своих рассуждениях к следующим экстраполяциям:

- энергия Вселенной всегда постоянна;
- энтропия Вселенной всегда возрастает.

Таким образом мы сталкиваемся с парадоксом: теоретические знания указывают на то, что в нашей Вселенной должна ускоряться энтропия, однако исследования и наблюдения не выявили этого.

Фактически получается, что теоретически мы должны признать существование некой иной системы вне рамок нашей Вселенной, которая обменивается с ней энергией. То есть наша Вселенная существует благодаря наличию некоего объекта вне нашего пространственно-временного континуума. Проникновение энергии из этого «другого» континуума, согласно всем имеющимся

на данный момент данным следует признать неравномерным, нестационарным, так как энтропия во Вселенной непостоянно и неравномерно распределена.

Выдающийся астрофизик Козырев, исследуя состояние энтропии в галактиках, пришел к поразительному выводу о том, что в местах возникновения большого количества энтропии (философским языком — проникновения хаоса в Сущее), например, при смерти галактик, проявляется некоторая «энергия», следствие проявления которой мы способны уловить, но саму энергию высчитать не можем. Фактически при проявлении этой «энергии» происходят изменения в системе, подверженной энтропии, словно некая «попытка» удержать систему в равновесии, удержать само ее существование. Козырев в начале исследований назвал это проявление — «временем». Учитывая, что при анализе столь глобальных явлений как астрофизические процессы изменяются параметры пространственно-временного континуума (действует теория относительности Эйнштейна), то такое наименование вполне допустимо. В более поздних работах, так полностью не остановившись на каком-либо термине, Козырев называл это необъяснимое вмешательство энергией «творческого начала» [1].

Так же важно отметить и эволюционное следствие универсального Закона термодинамики. Этот закон, неожиданным образом описывает и биологическую эволюцию. Иными словами, Второй Закон Термодинамики гласит о том, что все системы во вселенной прямо пропорционально ходу времени подвергаются хаотичности и разрушению. Все — живое или неживое — с ходом времени ожидает неизбежный упадок и деструкция. То есть, происходит постепенный переход от упорядоченной, планомерной и организованной структуры к беспорядочному, распадающемуся, разрозненному состоянию системы. То есть, повторимся, вся вселенная неизбежно движется к более простой, неупорядоченной, неорганизованной структуре.

«Однако, теория эволюции выдвигает механизм, в корне противоположный и полностью противоречащий этому закону. Согласно теории, беспорядочные, разрозненные, неживые атомы и молекулы, со временем случайно собравшись вместе, образовали упорядоченные, планомерные белки, такие комплексные молекулы, как ДНК и РНК, затем миллионы более упорядоченных, организованных живых организмов различных видов.

Этот воображаемый процесс, согласно теории прогрессирующий с каждой стадией к более упорядоченной, комплексной и организованной структуре, полностью противоречит фактам, о которых свидетельствует закон энтропии. По этой причине осуществление такого процесса, как эволюция на какой-либо предполагаемой стадии, от начала до конца невозможно» [2].

Ученые-эволюционисты понимают это явное противоречие и признают, что жизнь в комплексном процессе эволюции определенно противоречит тенденции, указанной во втором законе термодинамики. Так ученый-эволюционист Роджер Левин в своей статье в научном журнале «Science» объясняет безвыходное положение теории эволюции перед законом термодинамики следующим образом:

«Проблема, с которой столкнулись биологи — ничто иное, как явное противоречие эволюции второму закону термодинамики. Системы со временем должны разрушаться вследствие все большей неупорядоченности» [3].

Эволюционист Джордж Ставкопулос в издании «American Scientist» признает невозможность самозарождения живого с точки зрения термодинамики и необъяснимость комплексных механизмов фотосинтеза законами природы:

«В нормальных условиях, согласно второму закону термодинамики, никакая комплексная органическая молекула не может возникнуть самостоятельно. Наоборот, она может только распасться. На самом деле, чем комплекснее что-либо, тем неустойчивее оно, и в конечном счете, распад его неизбежен. Фотосинтез, все жизненно важные процессы и сама жизнь, несмотря на запутанные или же специально запутанные объяснения, все еще не разрешены посредством термодинамики или же других точных наук» [4].

Как сказал А. Мень: «На самом деле, по теории вероятности, чем сложнее структура общества, организма или неорганического сложного соединения, тем менее вероятно ее развитие в сторону усложнения и совершенствования. И поэтому можно в качестве научно — философской шутки утверждать, что существование абсолютного Божественного мышления с точки зрения термодинамики бесконечно невероятно! Бесконечно! И когда нам говорят, что бытие Божие невероятно с точки зрения термодинамики, это действительно так. Мы, люди, мыслящие существа, тоже маловероятны! Самое вероятностное в мире — это хаос!» [5].

Все это ставит главный вопрос: почему развитие мира идет в противоположную сторону — не к деградации, а к усложнению и совершенству?

Таким образом, и теоретические построения и фактические наблюдения приводят к следующим выводам, которые мы сформулируем следующим образом:

— Вселенную упорядочивает и сдерживает от проникновения Хаоса «нечто», внешнее по отношению к ней;

— Проявление энергии «сдерживания» энтропии нестационарно, неравномерно и в разных частях Вселенной различно;

— В областях концентрации и преобладания энергии «сдерживания» происходят эволюционные процессы.

Второй закон термодинамики, или закон энтропии, доказан и теоретически, и на опытах. Признанный как самый величайший ученый XX столетия Альберт Эйнштейн дал закону следующее определение: «Первый Закон всех Наук». Астрофизик Артур Эддингтон говорит о нем же, как о высшем законе Метафизики всей Вселенной.

А теперь вернемся к тому, с чего начали — к христианской теодицее.

Фактически, Второй Закон Термодинамики показал неравномерное распределение во Вселенной некоего принципа, удерживающего Вселенную в стабильном состоянии. Иначе говоря, некий принцип без которого невозможно существование Вселенной, трансцендентен нашему пространственно-временному континууму. Однако, этот принцип способен проявляться в нашем Бытии в виде «энергий», сдерживающих распространение Энтропии. Так эволюция в нашей солнечной системе — показатель меньшей локальной концентрации энтропии (Хаоса).

С религиозно-философской позиции вполне допустимо определить этот принцип как Воля Бога.

Возвращаясь ко Второму Закону Термодинамики, но с позиции христианской теологии, мы получаем, что фактически трансцендентный Бог проявляется во Вселенной посредством нестационарных энергий, и в разные промежутки времени в разных частях пространства концентрация этих энергий различна. Именно в этом и кроется ответ на вопрос о соотношении благодати Бога и наличия Зла в мире, озвученный нами ранее. Учитывая изложенное, существование такого «зла» — всего лишь результат меньшей «концентрации» божественного в конкретном континууме. Господь трансцендентен, но проявляется в нашей реальности различным образом.

В принципе, все вышеописанное относится к любой монотеистической религии. Применимо также и к Буддизму.

Что касается христианской теологии, можно утверждать, что положительное развитие внутримирового действия божественных энергий было в общих чертах дано в теологических изысканиях Великих Каппадокийцев (Василий Великий (ок. 330—379), Григорий Богослов (329—389) и Григорий Нисский (ок. 335 — после 394)). Они определили Трансцендентность Господа, и его познаваемость через действия в мире, заложив основы теологии божественных энергий.

Так для святителя Григория Нисского, также как и для всех Каппадокийцев, непостижимость Божественной сущности вовсе не означает невозможность

или недоступность Богопознания. Это учение о богопознании получило название учения о непознаваемости Божественной сущности и о познаваемости Бога в Его действиях или энергиях.

Сущность этого учения точно передана в следующих словах святителя Василия Великого:

«Мы утверждаем, что познаем Бога нашего по действиям, но не даем обещания приблизиться к самой сущности. Действия Его к нам нисходят, но сущность Его остается неприступною» [6].

Различие Божественной сущности и энергий можно увидеть у большинства греческих христианских богословов первых веков существования Церкви. Однако, наиболее полно теорию божественных энергий выразил св. Григорий Палама. Следуя св. Григорию, между сущностью и энергией присутствует различие. Божественная сущность непознаваема, безымянна и едина, а энергии, являющиеся причиной событий во Вселенной, допускают познание и изучение.

Таким образом, теология Божественных Энергий в христианской теологии в общем подтверждается парадоксом Второго Закона Термодинамики во Вселенной. Вселенная существует ввиду нестационарного, неравномерного влияния извне.

Таким образом, мы видим, что те логические выводы, которые мы получаем из изучения объективной реальности, неумолимо приводят нас к выводу о существовании сверхмирового начала, проявляющегося в этом пространственно-временном континууме. И более того, понимание принципа энтропии в его перманентной борьбе за деструкцию Вселенной, а также неравномерное действие некой останавливающей силы вполне вписывается в христианское учение о нетварных энергиях. И собственно, неравномерность и нестационарность энтропии во Вселенной дает нам основания к пониманию христианской теодицеи через трансцендентность Бога, который имманентен миру своими нестационарными и нестабильными проявлениями в нем.

Литература:

1. См. Козырев Н. А., Насонов В. В. «О некоторых свойствах времени, обнаруженных посредством астрофизических наблюдений». // «Проблемы исследования Вселенной». Всесоюзного астрономо-геодезического общества АН СССР. Выпуск 9, 1980 г. «Проявление космических факторов на Земле и звёздах». с. 76—84
2. Х. Яхья, Крах теории эволюции, Культура Паблишинг, 2002, с. 188

3. Roger Lewin, «A Downward Slope to Greater Diversity», Science, vol. 217, 24.9.1982, p. 1239
4. George, P. Stravropoulos, «The Frontiers and Limits of Science», American Scientist, vol. 65, November-December 1977, p. 674
5. А. Мень, «От рабства к свободе»: Издательский дом «Жизнь с Богом»; 2008
6. Здесь и выше цитируется по книге: О. Давыденков, Догматическое богословие, изд.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 436 стр.

Научное издание

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

II Международная научная конференция

г. Казань, май 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.05.2016. Формат 60х90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,61. Уч.-изд. л. 1,84. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25